

ANDY SMITH

ТИХАЯ
КРОВЬ
ГАСИТ
ЛЮБУЮ
ВЯЗЬ

СЛАБОСТЬ БЕЗЖАЛОСТНОГО УБЛЮДКА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

18+

ОН – ВЯЗНИК ПРИКАЗА. ОНА – ЕГО СЛАБОСТЬ.

Andy Smith

Слабость безжалостного ублюдка

«Автор»

2026

Smith A.

Слабость безжалостного ублюдка / А. Smith — «Автор», 2026

В Берёстье магия живет под кожей, превращая людей в послушное оружие. Кержан — элитный цепной пес Вязевого Приказа. Под его кожей гудят смертоносные узоры, лишаящие чувств и приносящие лишь холодное повиновение. Он безжалостен. Он — идеальная машина для убийства. Рута — деревенская травница, чья «тихая кровь» сводит на нет любую магию. Одно ее касание способно разрушить то, что делало его непобедимым. И вернуть ему то, о чем он давно забыл — способность чувствовать. Ему приказано доставить её в столицу живой. Прямо в руки тем, кто выкачает её кровь до капли. Но чем дольше длится их путь, тем слабее становится жестокий узник. Эта хрупкая девушка — его проклятие. И его единственное спасение. Осторожно: нецензурная брань, жестокость мира, насилие (18+).

© Smith A., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Andy Smith

Слабость безжалостного ублюдка

Глава 1

Осеннее утро в Топлице всегда начиналось одинаково — с седого, плотного тумана, который выползал из низин и ложился на почерневшие крыши домов, как мокрая овечья шкура. Воздух был тяжёлым, стылым, пропитанным запахом гниющей ряски, торфа и сырой древесины. Топлица не просто стояла на болоте, она была его частью, вращая кривыми сваями в податливую, чавкающую землю.

Рута сидела на корточках посреди своей делянки, на самом краю деревни, где топь уже начинала открыто диктовать свои условия. Её пальцы, загрубевшие, испещрённые мелкими белыми шрамами от порезов и едкого сока болотных трав, двигались привычно и точно. Короткое, загнутое лезвие ножа с тихим хрустом подрезало стебли. Одно неверное движение — и горечь уйдет в корень, испортив всё растение. Она не носила перчаток. Кожа на её руках давно привыкла и к холодной утренней росе, и к жёстким ворсинкам листьев, и к случайным порезам, которые заживали на ней с пугающей, неестественной быстротой.

Сегодня она собирала болотную мяту и вдовью траву — растения упрямые, требующие осторожности. Рута дышала размеренно, позволяя холоду забираться под воротник старой холщовой рубашки. Её коротко остриженные тёмные волосы были влажными от тумана, пряди липли к щекам, но она не обращала на это внимания. Работа требовала присутствия. Полного, абсолютного фокуса на том, что находится перед тобой.

Она срезала последний стебель, аккуратно уложила его в плетёную корзину и вытерла нож о край подола. Тишина вокруг была почти осязаемой. Только отдалённый крик болотной птицы да хлюпанье воды под гниющими мостками нарушали этот покой. Но это была правильная тишина. Понятная. Природная.

Рута поднялась, разгибая затёкшую спину, и подхватила корзину. Её дом — покосившийся, потемневший от времени сруб — стоял на отшибе, отделённый от остальной деревни полосой чахлого кустарника. Деревенские предпочитали делать вид, что этого дома нет, пока им не становилось по-настоящему плохо. Тогда они приходили, пряча глаза, мяли в руках шапки и просили отваров или мазей. Но в обычные дни Топлица сторонилась её, как прокажённой.

Она пошла по шатким деревянным настилам к центру деревни — нужно было забрать соль у мельника. Из тумана начали выплывать силуэты первых изб. Стоило ей появиться на узкой улице, как жизнь вокруг неумовимо изменилась. Это не было открытой враждебностью — скорее, инстинктивным сжатием. Женщина, вылившаяшая помой, резко отвернулась и торопливо перекрестилась, шепча обережные слова. Стайка чумазных детей, игравших в грязи с деревянными чурбаками, мгновенно затихла и брызнула в разные стороны, прячась за плетнями.

Рута не ускорила шаг и не опустила голову. Её серо-зелёные глаза смотрели прямо, фиксируя каждое движение. Она давно перестала обижаться. Обида — это чувство тех, кто ждёт от мира справедливости. Рута же знала, что справедливости нет, есть только баланс. Они боятся её «дурной крови», её отличия, её неправильности. Она терпит их страх в обмен на относительный покой. Но иногда этот покой казался тяжелее камня на шее.

Она вернулась к своему дому, так и не дойдя до мельника. Ощущение надвигающейся грозы, невидимого напряжения в воздухе заставило её повернуть назад. Она оставила корзину на крыльце и толкнула тяжёлую дверь. Внутри пахло сушёными травами, дымом и старым деревом. Здесь было её убежище. Здесь она контролировала каждый угол.

Дверь скрипнула снова, не успела она развести огонь в печи. На пороге стояла Полада.

Знахарка была единственным человеком в Топлице, кто переступал этот порог без страха. Старая, иссохшая, с лицом, похожим на печёное яблоко, Полада знала о Руте больше, чем кто-либо другой. Именно она забрала её, когда настоящая мать Руты ушла в болота и не вернулась. Именно она научила её отличать ядовитое от целебного, а главное — научила молчать.

Но сегодня Полада не принесла ни сушёных корней, ни сплетен. Её лицо было серым, губы плотно сжаты. Она тяжело опустилась на лавку у стола, опираясь на узловатую палку.

— Видели на тракте верхового, — голос старухи был тихим, похожим на шорох сухих листьев. — Из столицы. Вязник.

Рута замерла, так и не поднеся лучину к растопке. Сердце сделало один тяжёлый, медленный удар и забилося быстрее. Вязники не появлялись на южных границах просто так. Вязевой Приказ отправлял своих псов только за двумя вещами: за бунтовщиками и за аномалиями. Бунтовщиков в Топлице не водилось.

— Идёт сюда? — коротко спросила Рута, поворачиваясь к наставнице.

— Сюда, девка. Сюда, — Полада стукнула палкой в пол. — Уходи в топи. Сейчас же. Собери припасы, сколько унесёшь, и уходи на дальние заимки. Переждёшь. Я скажу, что ты сгинула в трясине неделю назад. Они не полезут в болота. Вязники воду не любят, у них от сырости узоры гниют.

Рута посмотрела на свои руки. Мелкие шрамы на коже казались блее обычного. Уйти. Снова спрятаться. Слиться с грязью, стать тенью, невидимкой. Всю свою жизнь она только и делала, что пряталась. От чужих взглядов, от страха в глазах соседей, от собственной природы. Тихая кровь. Наследие, которое она не просила. Кровь, которая гасит чужую магию. Для государства она была либо угрозой, которую нужно уничтожить, либо ресурсом, который нужно выкачать досуха.

— Нет, — голос Руты прозвучал твёрдо, хотя внутри всё сжалось в ледяной комок.

Полада подняла на неё выпцветшие глаза.

— Одурела? Ты хоть понимаешь, что они с тобой сделают? Стоймировы псы с тебя живой кожу снимут, если поймут, кто ты!

— Не снимут, если я буду им нужна, — Рута подошла к столу и оперлась на него руками. — Я устала бегать, Полада. Устала быть призраком. Если они пришли за мной, они перероют всю Топлицу. Они будут пытаться старосту, они могут взяться за тебя. Я никуда не пойду.

Старуха долго смотрела на неё, жуя губами. В её глазах читался страх, но и какое-то мрачное, горькое уважение.

— Гордость твоя тебя в могилу сведёт, — наконец пробормотала она. — Ладно. Но помни: они не люди. Вязники не чувствуют боли так, как мы. Они и жизни так не чувствуют. У них под кожей узоры гудят, им белый свет не мил. Не верь ни единому их слову.

Полада ушла, оставив Руту наедине с ожиданием. Ожидание было худшим из испытаний. Оно растягивало время, превращая каждую минуту в вязкую смолу. Рута заварила крепкий травяной чай, но пить не стала. Она переделалась в чистую, плотную рубаху, зашнуровала высокие сапоги. Если ей предстоит торговаться за свою жизнь, она не будет выглядеть как испуганная нищенка.

Он появился ближе к полудню.

Рута наблюдала за ним из окна своего дома. Туман уже рассеялся, сменившись бледным, болезненным светом осеннего солнца. Вязник въехал в деревню на крупном, тёмно-гнедом коне. Он был высок, сух, как жердь, и держался в седле с той пугающей неестественной прямоотой, которая выдавала человека, чьё тело подчиняется не только мышцам, но и магии. На нём был серый дорожный плащ, покрытый пятнами грязи, но под плащом угадывалась тёмная кожаная броня.

Когда он спешил к дому старосты, Рута смогла разглядеть его лучше. Ему было около тридцати. Лицо чистое, с резкими, рублеными чертами, русые волосы коротко острижены. Но главное было не лицо. Главным была вязь. Чёрно-синие линии выползали из-под воротника, обвивая шею плотным, сложным узором, спускались на запястья, выглядывающие из-под рукавов. Узоры не были просто татуировками — они жили. Они пульсировали, едва заметно светились в полутьме, и воздух вокруг вязника казался дрожащим, как над раскалённой печью. Это было зримое проявление гудящей под его кожей силы. Третий ранг, не меньше. Серьёзный зверь.

Он о чём-то недолго говорил со старостой. Староста, тучный, потный мужик, кланялся так низко, что едва не доставал бородой до земли, и торопливо указывал рукой в сторону дома Руты. Вязник кивнул. Не ударил, не рывкнул — просто развернулся и пошёл по настилам. Его шаг был ровным, беззвучным, словно он не касался досок.

Рута вышла на крыльцо. Она не собиралась встречать его внутри, как загнанная мышь. Она встала на верхнюю ступеньку, скрестив руки на груди. Ветер трепал её короткие волосы.

Он подошёл и остановился в трёх шагах от неё. Светлые, льдистые глаза изучающе скользнули по её лицу, по фигуре, по напряжённым рукам. Взгляд был тяжёлым, оценивающим. В нём не было ни презрения, ни похоти — только холодный профессионализм охотника, нашедшего след.

— Рута, — это был не вопрос. Голос у него оказался глубоким, ровным, с едва заметной хрипотцой.

— Смотря кто спрашивает, — ответила она. Голос не дрогнул.

Вязник чуть склонил голову.

— Кержан. Приказ Вязевого Узла. Мне приказано найти источник, обнуляющий приграничную вязь в этом квадрате. Мои сети показывают аномалию здесь. В тебе.

Он не стал играть в игры. Это Руте понравилось и испугало одновременно. Прямота означала, что он абсолютно уверен в своей власти.

— И что дальше? — она чуть вздёрнула подбородок. — Убьёшь меня на месте? Или потащишь в Вышеград, чтобы ваши мастера разобрали меня на части?

Кержан сделал полшага вперёд. Воздух между ними словно сгустился. Рута почувствовала странное, вибрирующее давление — это его вязь реагировала на её близость, но она сама не чувствовала ничего, кроме холода осеннего дня. Для неё магия была лишь фокусом, миражом, который не имел над ней власти.

— Я не палач, — спокойно ответил он. — Мой приказ — доставить. Живой и в рассудке.

Он поднял руку. Это был медленный, контролируемый жест. Он протянул её к ней — не для удара, а скорее проверяя, требуя подтверждения. Его длинные пальцы с выступающими костяшками, покрытые синими узорами вязи, были в дюйме от её руки.

Рута могла отступить. Могла ударить по этой руке. Но она осталась стоять на месте. Она смотрела прямо ему в глаза и не отдёргнулась, когда его пальцы сомкнулись на её запястье.

Мир не рухнул. Небо не упало на землю. Но для Кержана в это мгновение изменилось всё.

Как только его кожа коснулась её кожи, сине-чёрные линии на его руке внезапно потускнели. Дрожание воздуха исчезло. Пульсация магии, которая была частью его самого, остановилась.

Рута почувствовала, как его хватка дрогнула. Она видела, как расширились его зрачки, как лицо потеряло свою идеальную, непроницаемую маску. В его глазах отразился абсолютный, парализующий шок. Это не был испуг. Это было нечто более глубокое и интимное. Он смотрел на её запястье, которое он держал, потом перевёл взгляд на её лицо, словно видя её впервые.

Его пальцы, только что уверенные и сильные, теперь касались её с какой-то неуверенной, почти болезненной осторожностью. Он дышал так, словно ему не хватало воздуха.

Тишина.

Между ними повисла абсолютная, звенящая тишина, в которой не было ни гула магии, ни приказов, ни страха. Только тепло её кожи и холод его пальцев. Обычное, человеческое прикосновение. Первое за много лет.

Рута не отрывала взгляда от его лица. В этот момент она поняла свою силу. Она не была жертвой. В этой странной, сломанной системе координат она была единственным, что имело значение. Его пальцы на её запястье были не оковами. Они были якорем, брошенным в отчаянной попытке не утонуть.

— Я пойду с тобой, — тихо, но твёрдо сказала она, не разрывая контакта. — Но условия буду ставить я.

Кержан не ответил. Он просто смотрел на неё, оглушённый тишиной, и Рута знала: он уже согласился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.